



Н.А.ФИЛАТКИНА

МОРОЗОВЫ И РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТР РУБЕЖА XIX—XX ВВ.

В свое время Владимир Павлович Рябушинский заметил, что мало кто из купеческих семей не был связан с театром (1). В значительной степени это касалось и многих представителей семьи Морозовых. Однако Морозовы имели отношение не только к столичным, но и к провинциальным театрам.

Еще в 1891 г., в дни своей молодости, Иван Абрамович Морозов, совладелец Тверской мануфактуры, задумал строительство театра для рабочих. И чтобы мечта не расходилась с делом, вскоре была составлена смета на сооружение деревянного театрального здания. Но реализовать ее удалось лишь в 1898 г. Правда, вопреки первоначальному плану здание было возведено в камне. В 1900 г., 14 января, состоялось открытие этого здания под названием "Чайная и зал для спектаклей" (2). Это каменное двухэтажное строение было покрыто железом, стены выложены в 2,5 кирпича, оштукатурены изнутри. Театр имел паровое отопление, водопровод, освещался электричеством. Зрительный зал в два света с хорами, опиравшимися на чугунные колонны с деревянной оштукатуренной обшивкой, пол застелен сосновым паркетом. Сцена с трюмом и подъемником скрывала благоустроенные гримерные для артистов. В театре шли небольшие спектакли по произведениям, разрешенным цензурой, и духовные концерты для рабочих мануфактуры. Театр с самого начала завоевал популярность у зрителей, и уже с 1902 г. здание стало именоваться иначе—"Театр и при нем чайная". Собственной постоянной труппы театр не имел, и в нем выступали гастрольные коллективы.

В парке Орехово-Зуева — знаменитого морозовского промышленного центра — по инициативе М.Ф.Морозовой был сооружен деревянный двухъярусный летний театр. Он служил центром притяжения населения, особенно по выходным, поскольку сам парк

являлся главным местом традиционных народных гуляний. На сцене летнего театра часто проходили концерты и спектакли.

В 1904 г. Савва Тимофеевич и Сергей Викулович Морозовы выделили 200 тысяч рублей на строительство зимнего театра в Орехово-Зуево. Но в связи со смертью главного инициатора строительство было завершено лишь в 1912 г., благодаря усилиям вдовы и сына С.Т.Морозова (3). Театр на 1350 мест был открыт в год юбилея войны с Наполеоном популярной оперой М.И.Глинки "Жизнь за царя". Постановка осуществлена силами артистов Большого театра с участием Ф.И.Шаляпина. В спектаклях участвовал хор рабочих под управлением А.Н.Гайгерова. Затем появилась своя постоянная труппа из рабочих под руководством режиссера Трубникова в составе 170 человек. На сцене театра выступали лучшие драматические и оперные силы Москвы: Станиславский, Качалов, Москвин, Яблочкина, Собинов, Нежданова. Здесь выступал и симфонический оркестр из рабочих, созданный С.Н.Корсаковым (4).

Подобный же клуб-театр существовал, по воспоминаниям Аполлинии Константиновны Соловьевой (5), и в Глухове, где по инициативе Арсения Ивановича Морозова было сооружено театральное-концертное здание. Со спектаклями и музыкальными постановками на его сцене неоднократно выступали артисты Театра К.Н.Незлобина — театра, который, в свою очередь, достиг успеха благодаря морозовским капиталам и творческой индивидуальности членов морозовского рода. Не раз театр выезжал на Богородскую фабрику А.И.Морозова с постановками режиссера А.И.Тункова.

Общеизвестно, как много сделал Савва Тимофеевич Морозов для создания Московского Художественного театра. Однако он уже оказался косвенно причастным и к истории еще одного театра — Театра К.Н.Незлобина. Если С.Т.Морозов был одним из трех основателей МХТ, то К.Н.Незлобин, наоборот, был един в трех лицах в деле создания своего собственного театрального коллектива.

Благодаря наследству своей жены, Аполлинии Ивановны Морозовой, а также собственной творческой энергии и практической сметке, он постепенно создал свою знаменитую антрепризу, где одновременно был режиссером-постановщиком, директором и актером.

Главный режиссер антрепризы Незлобина, К.А.Марджанов, вспоминал: "в то время в провинции стал обращать на себя внимание молодой антрепренер, не преследовавший в театре коммерческих целей, а всей душой преданный театральному делу. Это был Константин Николаевич Алябьев, по сцене Незлобин, сын крупного петербургского мясника, женатый на дочери миллионера Морозова" (6).

По признанию другого соратника Незлобина, А.И.Тункова: "Константин Николаевич рано охладил к семейному делу. Окончив высшее коммерческое училище, он тем не менее все свое свободное время проводил в театрах Санкт-Петербурга. Отцу это, наконец, надоело, он выделил Костеньке 50 тысяч рублей из будущего наследства и отпустил на все четыре стороны чуть не с проклятиями. Женитьба на богатой невесте А.И.Морозовой не изменила его образа жизни, наоборот, ее приданое в 200 тысяч рублей способствовало раскрытию его энергии и творческого дарования" (7). С женой их объединяла страсть к театру. Аполлинария Ивановна училась в Академии Художеств, неплохо рисовала, в дальнейшем она с успехом руководила костюмерной мастерской в антрепризе мужа. А жизнь их была кочевая. Константин Николаевич сначала пробовал себя как актер в театрах Харькова, Саратова, Самары, Одессы. Наконец, в Ярославле впервые снял театр для собственной частной антрепризы и с этого момента превратился из К.Н.Алябьева в антрепренера Незлобина. Дело пошло. В 1894—1900 гг. он успешно руководил театром в Вильно. В составе его труппы блистали на сцене этого театра такие актеры, как В.Ф.Комиссаржевская, Е.П.Лермина, Самойлов и многие другие.

В 1902—начале 1903 гг. К.Н.Незлобин содержал антрепризу в Нижнем Новгороде. Протекцию у городских властей Нижнего ему составил Савва Морозов. Именно он убедил их, что это будет полезное и доходное для города предприятие.

По словам служивших у Незлобина актеров, "Константин Николаевич любил театр и был прекрасным хозяином, но прежде был предпринимателем" и в то же время был он и неплохим режиссером. "Сам он играл редко, да и как актер был гораздо слабее" (8). Однако, как свидетельствует тот же А.И.Тунков, он был на своем месте в характерных ролях. В числе удачных его

ролей Тунков называет Рыдлова в "Джентльмене" Сумбатова, Тарелкина в пьесе "Дело" Сухова-Кобылина, Мальволио в "Двенадцатой ночи" Шекспира, Берендея в "Снегурочке" Островского.

Дисциплина в труппе Незлобина была очень строгая, "но актеры его уважали, боялись потерять насиженные места и верные деньги". По воспоминаниям актрисы М.И.Велизарий, "на актере все было незлобинское. Одевал он актеров и актрис с ног до головы, начиная с обуви и кончая шляпами. Даже серьги, браслеты и броши были от него". Однако, учитывая все это, "он платил актерам меньше, чем в других театрах" (9). "Но несмотря на строгую дисциплину и деспотизм, работать у Незлобина было приятно" (10). Часто Незлобин привлекал в труппу актеров из других театров, таких как М.М.Петипа, Халютину, молодежь Малого театра. И, где бы его труппа не играла, она, как правило, представляла собою хорошо подобранный ансамбль.

В Нижнем Новгороде Незлобин ввел быструю смену декораций, чтобы спектакли не затягивались до 12 или 2 часов ночи. Днем они шли по пониженным ценам, что привлекло в театр массу учащейся молодежи. Все, что появлялось в Московском Художественном театре или на императорской сцене, шло и у Незлобина: "Снегурочка", "Три сестры", "Иванов", "Доктор Штокман" и т.д. Основу репертуара составляли пьесы Чехова, Ибсена, Толстого, Шиллера, Шекспира, Островского.

Вечерние спектакли шли с неизменным аншлагом, места составляли даже в оркестре. "Снегурочка", премьера которой состоялась также в Нижнем Новгороде, пользовалась особым успехом у зрителя. Антреприза Незлобина имела разнообразный, порой роскошный, реквизит. Костюмы для "Снегурочки" были созданы Аполлинарией Ивановной Алябьевой по рисункам Виктора Васнецова.

Из Нижнего Новгорода труппа перекочевала в Ригу. Туда Незлобин перевез за собой целый поезд театрального имущества — 18 вагонов. Его декорации и костюмы во многом могли поспорить с Московским Художественным театром.

Зимние сезоны труппа работала в Риге, а лето проводила в Старой Руссе. Обратимся вновь к воспоминаниям К.А.Марджанова: "В мае я выехал с семьей в Руссу, где Незлобин предоставил нам одну из своих дач, в четыре комнаты. В Руссе он обычно

держал летнюю антрепризу. В неделю играли два—три раза. Он сам отдыхал и давал возможность своей труппе восстановить силы.

Незлобин вставал рано. Утро мы проводили с ним в обсуждении пьес, составлении репертуара, распределении ролей и т.д. В это время в Старой Руссе жил Алексей Максимович Горький, который был близок с Незлобиным еще со времен его антрепризы в Нижнем Новгороде. Жена Горького — Мария Федоровна Андреева — ушла из Художественного театра и в следующий сезон должна была служить в Риге у Незлобина".

В Риге до перевода главной антрепризы в Москву проработали 5 сезонов — с 1904 по 1909 г. Часто уезжая по делам за границу, Незлобин оставлял свою антрепризу на жену, которая в отсутствие мужа исполняла обязанности директора и администратора театра. Так было в летний сезон 1896 г. в Старой Руссе, и во время летних гастролей театра в Ревеле в 1899 г., и в дальнейшем.

В Риге сезон 1904—1905 гг. открыли постановкой Марджанова по Островскому "Сон на Волге", музыка Аренского. Затем — "Авдотьяна жизнь" Найденова. "Я был тогда еще сильно захвачен реализмом, доходившем почти до натурализма, — пишет Марджанов. — Во всяком случае я сожалел, что нельзя построить и четвертую стену, чтобы на сцене все было как в жизни. Этого я отчасти добился, поставив на сцену дом, где жила Авдотья, я вместо занавеса перед началом акта раскрывал переднюю стену и показывал внутренность дома".

"Действие было насыщено звуками города: гудками фабрики, грохотом поездов, стуком пролетки по мостовой, играла гармонь, тренькала балалайка и т.д. От актеров я требовал показа правдивой жизни и обязательно занимал их чем-нибудь: работой, едой, куревом. Они должны были в меру зевать, кашлять и т.п. Боготворили паузу, насыщенную настроением.. И сколько выдумки, фантазии и труда я затрачивал на то, чтобы достигнуть полного схождения с доподлинной жизнью.

Должно быть, вся публика была насыщена тем же представлением об искусстве, так как постановки мои имели шумный и прочный успех" (14).

"В этом же сезоне, — продолжает мемуарист, — проектировалось открытие нового театра в Петербурге, причем сливались два театра — наш и В.Ф.Комиссаржевской. Режиссерами этого

театра должны были быть А.А.Санин и я. Пайщиками — Незлобин, Комиссаржевская, Шалапин, Горький, Андреев, Чириков, Блок. Художниками были приглашены Бенуа, Рерих, Анисфельд, Бакст, Билибин, Калмыков, Сапунов, Арапов, Сомов. Субсидировал это предприятие Сумароков-Эльстон-Юсупов-старик. Он давал под театр свой дворец на Литейном. Проект перестройки дворца под театр был поручен академику Щусеву.

Но Юсупов испугался надвигающейся революции и отказался от участия в деле. Вскоре некоторые из участников были арестованы и так распалось намечавшееся большое предприятие. Когда был арестован Леонид Андреев, я ездил по поручению Горького к Савве Морозову с просьбой внести за Леонида Андреева залог 5 тысяч рублей, что и было исполнено”.

Далее Марджанов отмечает: “Из постановок этого сезона, в Риге самым большим успехом пользовались “Дачники” Горького. Шли они действительно с исключительным ансамблем. Спектакль поставлен был мною особенно тщательно, со всевозможными реалистическими подробностями. Успех пьесы надоумил Незлобина повезти ее на гастроли в Москву. Это было, конечно, большой смелостью, так как Москва очень ревниво относилась к своему театральному первенству”. Для гастролей был снят Никитский театр. По свидетельству Марджанова, первый спектакль был дан, не устраивая публичной генеральной репетиции, в зал пришли представители художественной Москвы: “вся большая пресса, видные критики, столичная режиссура, артисты, писатели, художники, композиторы, музыканты и, конечно, плутократия”. “Антракт — ничего не помню, — пишет Марджанов. — Вызовы, овации, рукопожатия. Поцелуи. Пришел в себя только в кабине, куда пришли знакомиться со мной Станиславский, Немирович, Южин, масса артистов, критики. Поздравления, похвалы, удивления тому, что провинциальный театр мог показать Москве такой спектакль” (11).

В 1908 г., задумав переехать в Москву, Незлобин построил в Старой Руссе специальную сцену для московских театров. Вновь был приглашен Марджанов. Однако надо отметить, что, переведя часть дела в Москву, Незлобин сохранил свою антрепризу в Риге.

С осени 1911 г. Незлобин значительно расширяет свою ант-

репризу. Он открывает второй театр в Петербурге на месте распавшегося Нового драматического. Открытие петербургского Театра Незлобина было встречено с интересом. Самыми значительными постановками его были “Горячее сердце” Островского с декорациями по эскизам Кустодиева и инсценировка “Идиота” по Достоевскому. Роль Настасьи Филипповны играла Е.Т.Жихарева, ушедшая от Корша, режиссура Н.Званцева. Осенью 1913 г. была поставлена “Орлеанская дева” Шиллера в декорациях К.Петрова-Водкина с той же Жихаревой в главной роли.

Вспоминая работу у Незлобина в годы Первой мировой войны, актриса М.И.Велизарий пишет о его театре в Старой Руссе: “Театр меня обрадовал: здание было заново переделано, в нем царили чистота и порядок. Да и вся постановка дела образцовая: строжайшая дисциплина, отличная труппа. В нее входили все премьеры московского незлобинского театра. А с ними и талантливая молодежь”. “Служили у Незлобина без контракта, полагаясь только на его слово”. Даже когда к Риге уже продвигались немцы, рижская антреприза Незлобина продолжала жить и работать. “Незлобин всю зиму разъезжал из Риги в Москву, но жил больше в Риге, предпочитая ее Москве” (12).

После революции, в 1920-е годы, Незлобин задумал окончательно обосноваться в Риге. Но все хлопоты у отцов города были тщетны. В 1930 г. он скоропостижно скончался в Двинске и был похоронен в Риге. В провинциальном театре играла и дочь Незлобина — Татьяна Алябьева. Она была замужем за режиссером Горьковского драмтеатра Лерминым, где они оба проработали до начала 1940-х годов. Т.К.Алябьева играла роль Любы в спектакле “Последние” Горького, Валентину в “Похищении Елены” Вернейля и др.

В Горьком умерла Аполлинария Ивановна Алябьева (Незлобина). Ее дочь с мужем позже жили в Ленинграде (13).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 1994. С.155.
2. Думова Н.Г. Московские меценаты. М., 1992. С.109.
3. Лизунов В.С. Старообрядческая Палестина. Орехово-Зуево, 1992.

С.64.

4. Там же. С.123.
5. Соловьева А.К. Воспоминания // ОР РГБ. Ф.709. Оп.1. Д.24.
6. Марджанов К.А. Воспоминания // Государственный центральный театральный музей (ГЦТМ). Ф.158. Д.35. Л.3.
7. Тунков А.И. Записки режиссера // Там же. Ф.533. Д.64. Л.85.
8. Тунков А.И. Воспоминания // Там же. Ф.186. Д.173. Л.32, 33.
9. Велизарий М.И. Путь провинциальной актрисы. М.;Л.,1938. С.256.
10. Там же. С.257.
11. ГЦТМ. Ф.158. Д.35. Л.3, 9, 10, 13, 15.
12. Велизарий М.И. Указ. соч. С.257, 260.
13. Морозовы. Опыт родословия / Сост. Н.А.Филаткина // Богородский печатник. Ногинск,1995. С.41.